

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 342.7:1:002.6:31

Л. Ф. ГАЙНУЛЛИНА,

кандидат философских наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,

Л. С. ЛЕОНТЬЕВА,

кандидат философских наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

ПРАВО НА КОММУНИКАЦИЮ: ДОЛЖНОЕ И СУЩЕЕ

Цель: определение понятия, структуры и особенностей реализации права на коммуникацию в России.

Методы: социально-коммуникативный подход с использованием общенаучных методов анализа и обобщения.

Результаты: на основе анализа эмпирических и статистических данных выявлено диалектическое противоречие между сущим как фактическим положением дел в политико-коммуникативной сфере и должным как системой информационно-коммуникативных отношений, складывающихся на основе адекватных современному демократическому обществу нормативно-правовых актов, регулирующих информационную сферу. Выделены политико-правовые должноствоания, способствующие реализации права на коммуникацию.

Научная новизна: определено соотношение понятий «право на коммуникацию» и «право на информацию», уточнены и проанализированы структурные элементы данной правовой системы и механизм их реализации в контексте современных политических событий и информационного правотворчества.

Практическая значимость: в возможности диалогической оптимизации информационно-коммуникативных отношений в сфере политики адекватными методами правового регулирования. Реализация права на коммуникацию способствует сохранению динамического равновесия социальной системы, рационализации конфликтов и коммуникативной легитимации власти.

Ключевые слова: право на коммуникацию; доступ к информации; свобода слова; гражданское участие; информационно-коммуникативные отношения; государственно-гражданский дискурс; открытое правительство.

Введение

Феномен информационного общества акцентирует внимание не только на информации как данности, но и на возможности интенсивного информационного обмена, который осуществляется в информационном взаимодействии заинтересованных субъектов. Современные технологические каналы коммуникации и информационно-коммуникативные потребности людей взаимодетерминируют друг друга. Мультимедийная конвергентность продуцирует информационно-текстовое, эмоционально-психологическое пространство, которое способно трансформировать общественное бытие в режиме реального времени. Поэтому конструктивная активизация жизнедеятельности социума

требует адекватных политико-правовых норм функционирования коммуникационных каналов наряду с правом субъекта осуществлять коммуникативные акты, искать и получать, производить и распространять информацию.

Плюралистический коммуникативный подход к анализу правовой системы, роль коммуникаций в создании и легитимации права рассматриваются в книге профессора права Гентского университета (Бельгия), президента Европейской академии теории права Марка ван Хука «Право как коммуникация». Информационно-коммуникативную проблематику в рамках российской философии права и социологии права нельзя назвать широко и глубоко исследованной областью. Коммуникативная

концепция права бельгийского профессора развивается в работах А. Полякова, коммуникативную природу информационных правоотношений с позиций пользователя и обладателя информации анализирует Д. Котиков, право на коммуникацию в русле социальной информациологии исследует Э. Татаринцева. В рамках данной статьи применяется социально-коммуникативный подход, опирающийся на методологию Ю. Хабермаса и Н. Лумана, а также на коммуникативную теорию права Марка ван Хука и концепцию Ж. д'Арси.

Результаты исследования

Информация и коммуникация – взаимодополняющие категории. По образному высказыванию основоположника социальной информациологии проф. В. Д. Попова, «информация – ядро и «материя» коммуникации и средство связи информационно-коммуникативных отношений. Однако без коммуникации информация в социальном смысле мертва» [1]. По аналогии можно утверждать, что право на коммуникацию предполагает наличие права на информацию. Однако вне социального дискурса самая достоверная и актуальная информация теряет свою социальную значимость, превращаясь в вещь в себе и для себя. Поэтому реализация права на информацию – необходимая, но не достаточная часть коммуникативно-правовых задач современного общества. Право на коммуникацию как более широкая категория в большей степени отражает специфику курса модернизации социально-экономического развития страны, интенсификации социальных взаимодействий как по вертикали, так и по горизонтали, создает условия для самореализации человека и расширения его прав и свобод.

Анализируя реализацию права на коммуникацию, мы основывались на коммуникативной теории права Марка ван Хука. Авторитарная парадигма в русле «приказ-исполнение» заменяется бельгийским ученым на легитимацию права, зависимую «от неискаженных форм публичной коммуникации и косвенно от коммуникативной инфраструктуры частной сферы» [2, с. 281]. Право предстает в форме диалога и полилога управомоченных и правообязанных субъектов, а складывающиеся правовые отношения упорядочивают общество посредством выполнения двух основных функций: «а) структурирование политической власти и б) создание и сохранение социальной связи» [2, с. 89].

Коммуникативная сущность права в трактовке Марка ван Хука созвучна концепции Н. Лумана о коммуникативной сущности власти. Если по Ю. Хабермасу основная функция власти – это функция коммуникации, то Н. Луман саму власть определяет как средство коммуникации, как «символически генерализованного медиума коммуникации» [3]. С позиций коммуникативного подхода не только власть, но и право выступает в роли подобного медиума, способствуя обобщению смысловых ориентаций, закреплению единого смысла между различными субъектами в различных ситуациях, причем не только в виде норм-принципов, норм-целей, но и *норм-символов, т. е., выполняя, в терминологии Н. Лумана, символическую генерализацию*. Если власть, по Н. Луману, – это управляемая кодом коммуникация, то и право можно рассматривать как коммуникацию, которая регулируется совокупностью общезначимых правил и общепринятых норм. Таким образом, и право, и власть предстают как средства человеческих взаимодействий, упорядочивающих социальное бытие. Это нормоотношения, имеющие в своей основе информационно-коммуникативный волевой компонент, различные формы поведения субъектов правовых и политических отношений. Современные стратегии и практики власти, феномена, безусловно, коммуникативного по своей сути, должны опираться на концептуальные положения права человека на коммуникацию. Теоретические положения права на коммуникацию были сформулированы в 1970-е гг. французским исследователем Ж. д'Арси (право человека на коммуникацию) [4, с. 5–6; 5]. Вертикальный поток информации, т. е. ее передачу средствами массовой информации для больших аудиторий нельзя рассматривать как полноценную коммуникацию, утверждает Ж. д'Арси. Развитие коммуникации предполагает также и горизонтальный, взаимовыгодный информационный обмен, т. е. непосредственное общение–коммуницирование индивидов и социальных групп, способствующее участию в общественных делах, совместной реализации социально значимых потребностей независимо от территориальных границ их жизнедеятельности. Следовательно, право на коммуникацию – это «законодательно гарантированное обеспечение общедоступной общительности – *convivialite*» [6]. Основные свойства этого права,

выявленные в диссертационном исследовании Э. А. Татаринцевой: естественность, всеобщность, универсальность, самоценность [7, с. 11]. Неотчуждаемость и неизбирательность данного вида права связаны с его «естественным» происхождением, а определенный содержательный минимум правовых проявлений обязателен для государства, при этом свойство универсальности не ограничивает расширение его норм в конкретном социокультурном контексте, а свойство самоценности подчеркивает его способность служить целью и средством для осуществления социальных и политических коммуникаций.

Основными структурными элементами права на коммуникацию в концепции Ж. д'Арси выступают: 1) право доступа к средствам коммуникации в качестве получателя информации и 2) право непосредственного участия в процессе коммуникации, возможность потребителя быть создателем и распространителем информации. Доступ, участие, коммуникация – ключевые понятия в концепции Ж. д'Арси. Если в государстве априори признаются права человека, то акцент в разработке и реализации данного права делается не столько на обеспечении граждан социально значимой информацией, сколько на возможности и способности граждан пользоваться для ее получения, производства и распространения информационно-коммуникационными технологиями. В этом случае, опираясь на концепцию свободно-поточной информации, право на коммуникацию можно определять как право универсального доступа к информации, право на универсальное обслуживание. Исходя из концепции универсальной услуги и интенсивного развития государственно-гражданского коммуницирования, некоторые исследователи рассматривают право на коммуникацию «в качестве нового социально-экономического права, нежели личного или политического информационного права в смысле ст. 29 Конституции РФ» [8], где закреплены базовые информационные свободы наряду с гарантиями.

В контексте современных социально-политических условий и правового регулирования информационной сферы в России преобладает концепция права на информацию. По аналогии со структурой права на коммуникацию, ключевыми понятиями являются доступ, участие и информация. Право на доступ к информации в

законодательстве трактуется преимущественно как информационная открытость власти. Во исполнение ст. 29 и ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, право на доступ к информации закрепляется Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» № 8 от 21.01.2009. Статья 6 данного закона определяет порядок доступа к официальной информации посредством предоставления сведений конкретному лицу (по запросу) и распространения информации для неограниченного круга лиц (опубликование в СМИ, Интернете, размещение в помещениях органов власти). Исключение составляет информация ограниченного доступа, статус которой закреплен в ст. 5 ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006. Виды информации ограниченного доступа прописаны в федеральных, отраслевых законах и кодексах: государственная тайна (ст. 5 ФЗ № 5485 «О государственной тайне» 1993 г.); персональные данные (ст. 3 ФЗ № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г.; Письмо Банка России № 137-Т от 28.11.2001; ФЗ № 143-ФЗ от 15 ноября 1997 г.); тайна следствия и судопроизводства (ФЗ № 119-ФЗ от 20 августа 2004 г.); служебная тайна (ГК РФ; Указ Президента РФ № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 06.03.1997; ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006); профессиональная тайна (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений и т.д., ФЗ № 149-ФЗ от 27.07.2006; Указ Президента РФ № 188 от 06.03.1997); коммерческая тайна (ГК РФ; ФЗ № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» от 29.07.2004); сведения о сути изобретения (ГК РФ, гл. 72). За рамками вышеперечисленных исключений-ограничений, информационные ресурсы должны быть открыты для граждан.

В настоящее время, когда сеть Интернет является общедоступной, наиболее актуальный способ открытости и «распространения информации для неограниченного круга лиц» – официальные сайты ведомств. Статья 13 ФЗ № 8 устанавливает содержание информации, которую государственные органы обязаны разместить на своих сайтах, ФЗ

№ 112 «О внесении изменений...» от 07.06.2013¹ уточняет понятие общедоступной информации, размещаемой в форме открытых данных, а Постановление Правительства РФ № 583 от 10.07.2013² определяет правила отнесения информации к общедоступной и порядок ее размещения в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Мониторинговый анализ исполнения данных правовых установок, актуальной интернет-представленности федеральных органов власти ежегодно осуществляет Институт развития свободы информации*. Результаты мониторинга 2013 г. свидетельствуют о расширении присутствия органов государственной исполнительной власти в сети Интернет. В призовой тройке: ФМС России (100 %), Роскомнадзор (95 %) и Минкультуры России (93,9 %); завершает рейтинг Федеральное агентство по строительству и ЖКХ (17 %). Среднее значение информационной открытости официальных сайтов исполнительных органов власти – 60 %. Вне доступа по-прежнему остаются такие сведения, как «отчетность и статистическая информация; информация о размещении заказов на поставки товаров, выполнение услуг; информация о государственных информационных системах; информация о проверках» [9]. Вместе с тем сравнение со средним показателем 2008 г. (19,87 %) свидетельствует о действенности вышеперечисленных нормативно-правовых актов, принятых после 2009 г., т. е. после введения в силу ФЗ № 8.

Одна сторона вопроса – полнота представленной информации, другая – доверие населения к

информации, выложенной в сети официальными инстанциями. Доверие формируется в процессе содействия, соучастия, совместного обсуждения, решения, реализации социально значимых проблем. Поэтому право искать и получать информацию дополняется правомочиями граждан передавать, распространять и производить информацию. Опираясь на конституционную свободу слова, право на публичное выражение собственного мнения, следует говорить о возможности участия в информационном обмене не только профессиональных субъектов информационной деятельности (журналистов, аналитиков, политиков и т. д.), но и всех пользователей-потребителей информации. Участие – это не только возможность получения информации по запросу или в открытом доступе и ее передачи, это возможность и способность интерактивного общения во всех сферах жизнедеятельности. Благоприятное влияние «широкого коммуникативного участия граждан» на область правотворчества подчеркивается в монографии Марка ван Хука. Публичные коммуникации придают закону свойство когерентности, адаптивности и коммуникативной легитимации, утверждает автор [2, с. 326], что непосредственным образом детерминирует легитимацию власти. Однако в поле российской политики наблюдается примат исполнительной власти над законодательной с имитацией многопартийности, что позволяет властвующему субъекту обходиться без широкого гражданского участия в делах государственных. Демократические институты и процедуры зачастую используются влиятельными акторами политики в собственных и корпоративных интересах, что неизбежно снижает кредит доверия населения власти. Так, по данным «Левада-Центра»*, лишь 10 % и 25 % респондентов убеждены, что нарушений закона не было на парламентских и президентских выборах соответственно [10, с. 13]. Подобная ситуация «разорванной коммуникации» в системе «власть-общество» порождает протестные настроения, которые в той или иной степени осознанности охватывают в настоящее время от 25 % до 35 % населения [10, с. 21]. Исследования российских

* Признан иноагентом в РФ с 28.08.2014 / Recognized as a foreign agent in the Russian Federation as of 28.08.2014.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»: Федеральный закон № 112-ФЗ от 07.06.2013 // Российская газета. – 2013. – № 124. – 11 июня.

² Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в форме открытых данных: Постановление Правительства РФ № 583 от 10 июля 2013 г. // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 30 (ч. II). – Ст. 4107.

* Признан иноагентом в РФ с 05.09.2016 / Recognized as a foreign agent in the Russian Federation as of 05.09.2016.

и зарубежных ученых показывают, что по демографическим, экономическим и социальным параметрам участники акций оппозиции и сторонники власти не имеют различий [11]. Следовательно, всплеск протестной активности связан не с финансовым кризисом, а носит политический характер и базируется на «эффекте информационного каскада», способствующего массовой самоорганизации участников. Мониторинговые всероссийские опросы подтверждают данный вывод, демонстрируя следующую динамику: если в 2010 г. за демократические права и свободы высказывались 16 %, а за поддержание стабильности любыми средствами – 72 %, в 2011 г. – уже 23 и 56 % соответственно, то в 2013 г. – 33 и 57 % [12].

Коммуникационной площадкой гражданского участия, развивающей, в соответствии с концепцией Ж. д'Арси, горизонтальные связи, являются преимущественно социальные медиа и такие традиционные формы публичной политики, как мирные собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, право на которые закреплено Конституцией РФ (ч. 2 ст. 31). В развитие данной конституционной статьи принят ФЗ № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г., который признает целью публичных мероприятий «свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам» (ст. 2, п. 1). Однако российский тренд развития публичных мероприятий со свободным выражением мнений от акций «Стратегии 31» до массовых митингов на Манежной и Болотной площади ориентирует власть не на развитие государственно-гражданского дискурса, а на ужесточение законодательства в русле административно-силовых парадигм властвования. За «массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан в общественных местах» (КоАП РФ, ст. 20.2), за участие в «прогулках», «маршах», «гуляниях», а также призывы к участию в них введены солидные штрафы в соответствии с законом³, усиливающим ответственность

за нарушения на митингах. Данные санкции свидетельствуют об игнорировании гражданских интенций, об отказе власти «слышать» общество и модернизироваться в соответствии с его требованиями. Как следствие, финансовое наказание за право участия в массовом выражении свободного мнения только 17 % респондентов сочли правомерным и адекватным [13].

В свое время, будучи президентом РФ, Д. А. Медведев посоветовал «продвинутым» гражданам «уходить в Интернет» как пространство, свободное от административного давления. Но технологические и политические процессы динамичны и ныне функционирование контент-контрольных программ подкрепляется законодательными поправками в ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁴. Совет при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека дал отрицательное заключение данному закону на стадии его разработки, предупреждая, что «поправки могут стать основой для реальной цензуры в сети Интернет формирования списка запрещенных сайтов и IP-адресов с их последующей фильтрацией», а это «губительно скажется на правах граждан России» [14]. Правоприменение данного закона способно создать и уже создает проблемы для вполне «добросовестных интернет-ресурсов с легальным контентом», что ограничивает право на участие в коммуникации законопослушных граждан. Так, например, по данным Роскомнадзора, официальные информационные ресурсы правительства РФ *Gov.ru* и *Kremlin.ru* по количеству жалоб пользователей (2.191 и 693 соответственно) [15] вошли в десятку лидеров, а значит, имеют шанс пополнить собой «черный список».

Вероятно, с целью снижения социально-политической интернет-активности и повышения контроля над СМИ Госдума разрабатывает поправки, приравнивающие популярные блоги к СМИ, а популярные СМИ, вслед за НКО – к «иностранным».

³ О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»: Федеральный закон № 65-ФЗ от 8.06.2012 // Российская газета. – 2012. – № 131. – 9 июня.

⁴ О внесении изменений в федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 139-ФЗ от 28.07.2012 // Российская газета. – 2012. – № 172. – 30 июля.

ным агентам». Легально функционировать смогут только СМИ-члены региональных и федеральных «саморегулируемых организаций». Феномен регулируемой «саморегуляции» в пространстве публичной политики имеет советские корни и призван вернуть утраченную властью императивную управляемость социально-информационными процессами.

Логично предположить, что рассмотренные правотворческие инновации ограничительного характера приостановили процесс вступления России в Партнерство открытых правительств (*Open Government Partnership – OGP*), намеченное на 2013 г., так как деятельность в рамках данной организации предполагает открытое участие граждан в политике и принятии государственных решений. В связи с этим основатель Фонда свободы информации И. Ю. Павлов, участвующий в разработке российского Плана действий для *OGP*, оценил Россию как «приоткрытое» государство, что согласуется с результатами исследования, проведенного экспертной организацией *Open Knowledge Foundation* [16]. Сводная таблица исследования – «Ценз открытых данных G8» демонстрирует отсутствие стопроцентных показателей открытости важной общественной информации у всех стран «большой восьмерки»: максимальный индекс у США (54 из 60 возможных), минимальный – у России (30/60). Поэтому на саммите группы G-8 (июнь 2013 г.) тема свободы информации оказалась одной из самых актуальных. В итоговой «Хартии открытых данных» G-8 подчеркивается, что «открытые данные представляют собой все еще незадействованный ресурс с огромным потенциалом для стимуляции построения более сильных обществ» [17].

Выводы

В русле данных международных тенденций и во исполнение Указа Президента РФ № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» от 7 мая 2012 г. следует рассматривать введение должности министра по вопросам Открытого правительства, внедрение порталов открытых данных, запуск пилотных проектов «Открытое министерство», а в ряде субъектов РФ – «Открытый регион». Таким образом, в соответствии с законодательством, власть предпринимает конкретные меры

по обеспечению доступа к открытым данным, содержащимся в информационных системах органов государственной власти. Формула Открытого правительства гласит: «прозрачность+участие=подотчетность, эффективность, продуктивность», т. е. второе слагаемое связывает реализацию целей и задач социального государства с коммуникативными взаимодействиями. Поэтому для членов Партнерства открытых правительств закономерным следствием права на доступ к информации («прозрачность») является право на участие в процессе не только вертикальной, но и горизонтальной коммуникации. Именно в этой части права на коммуникацию концентрируются основные российские проблемы, решение которых требует развития институтов гражданского участия и функционирования механизмов «обратной связи», которые способны обеспечить гражданский контроль. Данная целеустановка требует реализации следующих политико-правовых долженствований:

– вмешательство государства в область информационных прав и свобод должно иметь ограниченный круг оснований, перечисленных в ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁵. Более того, в соответствии с принципом пропорциональности (соразмерности), адресованным законодателю и судам, ограничивающие условия не должны ущемлять свободы.

– правовые ограничения информационных свобод, соответствующие требованиям демократического участия, должны оптимально сочетаться со стимулирующими методами правового воздействия, направленными на эффективное развитие государственно-гражданских коммуникаций.

– правоприменительная практика, по рекомендации В. В. Путина, должна быть такой, «которая не ограничивала бы никоим образом демократические права граждан на волеизъявление и на выражение своей позиции по любым вопросам внутренней и внешней политики, в том числе и с помощью уличных шествий и ме-

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, измененная и дополненная протоколом № 11, Рим, 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

роприятий» [18]. Такой тип правоприменения выражает социальную конвенциональность, опирается на гуманистические, общепризнанные принципы правотворчества и создает социально комфортную ситуацию удовлетворения общественно-коммуникативных ожиданий, связанных с реализацией права человека на информацию и коммуникацию.

Список литературы

1. Попов В. Д. Социальная информатология: проблемы становления и развития. – М.: РАГС, 2004. – 69 с.
2. Марк ван Хук. Право как коммуникация: пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. – СПб.: Университетский издательский консорциум, 2012. – 288 с.
3. Луман Н. Медиа коммуникации. – М., 2005. – URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/luman_media/
4. Право на коммуникацию: обзор материалов «Комиссии Макбрайда». – М.: АН СССР-ИНИОН, 1980. – 59 с.
5. Ж. д'Арси. Право на коммуникацию. – Париж, 1980. – 286 с.
6. Терин В. П. Массовая коммуникация: исследование опыта Запада. – М.: МГИМО, 2000. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Terin/07.php
7. Татаринцева Э. А. Реализация права на коммуникацию в информационном обществе: автореф. ... дис. канд. полит. наук. – М.: РАГС, 2009.
8. Шевердяев С. Право на доступ к информации в России: проблемы теории и законодательства. – URL: http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/statii/pravo_na_dostup_k_inf_2.htm
9. Результаты мониторинга официальных сайтов федеральных органов исполнительной власти – 2013 г. / Фонд

Свободы Информации. – URL: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/2527>

10. Президентские выборы в России 2012 г.: постэлекторальный анализ. Отчет об установках и оценках электората. – М.: Левада-Центр*, 2012. – 21 с.

11. Научный анализ российских протестов // Объясняя политику протеста в России: инновации в теории и анализе данных. – М.: НИУ ВШЭ, 4.07.2013. – URL: <http://ores.ru/1545836.html>

12. Опрос расставил все по порядку / Коммерсантъ. – 2013. – 27 июля. – URL: [Kommersan.ru/doc/2243079](http://kommersan.ru/doc/2243079)

13. «Левада-центр»*: 38% россиян не одобряют закон о митингах.

14. Заявление членов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в отношении законопроекта № 89417-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». – URL: http://www.president-sovet.ru/council_decision/council_statement/zayavlenie_chlenov_soveta_v_otnoshenii_zakonoproekta_89417_6.php

15. Черный список Роскомнадзора возглавили «В Контакте» и правительство. – URL: <http://izvestia.ru/news/553151>

16. G8 Open Data Census. – URL: <http://census.okfn.org/g8/>

17. G8 Open Data Charter and Technical Annex. Published 18 June 2013. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/open-data-charter/g8-open-data-charter-and-technical-annex>

18. Совещание по вопросам совершенствования судебной системы, 8 июня 2012 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/15607>

В редакцию материал поступил 05.09.13

© Гайнуллина Л.Ф., Леонтьева Л.С., 2013

Информация об авторах

Гайнуллина Лилиана Файберговна, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: lianagai@yandex.ru

Леонтьева Людмила Станиславовна, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института управления и территориального развития, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 6/20, тел.: (843) 231-54-66

E-mail: Lsl3@yandex.ru

Как цитировать статью: Гайнуллина Л. Ф., Леонтьева Л. С. Право на коммуникацию: должное и сущее // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 217–225.

L. F. GAINULLINA,

PhD (Philosophy), associate professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia,

L. S. LEONTYEVA,

PhD (Philosophy), associate professor

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

RIGHT FOR COMMUNICATION: THE DUE AND THE ACTUAL

Objective: to define the notion, structure and features of implementation of right for communication in Russia.

Methods: social-communicative approach using general scientific methods of analysis and generalization.

Results: basing on the analysis of empirical and statistical data the dialectic contradiction is revealed between the actual as the instantaneous state of affairs in political-communicative sphere and the due as a system of information-communicative relations formed on the basis of normative-legal acts regulating the information sphere, which are adequate for the modern democratic society. The political-legal necessities are defined, which promote the implementation of the right for communication.

Scientific novelty: the correlation is defined between the notions “right for communication” and “right for information”; structural elements of the given legal system are analyzed, as well as the mechanism of their implementation in the context of the modern political events and informational law-making.

Practical value: the possibility of dialogical optimization of information-communication relations in the political sphere by adequate methods of legal regulation. Implementation of the right for communication promotes perseverance of the dynamic balance of the social system, rationalization of conflicts and communicational legalization of the authorities.

Key words: right for communication; access to information; freedom of speech; civil participation; information-communication relations; state-civil discourse; open government.

References

1. Popov, V. D. *Sotsial'naya informatsiologiya: problemy stanovleniya i razvitiya* (Social informationology: issues of formation and development). Moscow: RAGS, 2004, 69 p.
2. Mark van Khuk. *Pravo kak kommunikatsiya* (Right as communication). Saint Petersburg: Universitetskii izdatel'skii konsortsiy, 2012, 288 p.
3. Luman, N. *Mediakommunikatsii* (Mediacommunications). Moscow, 2005, available at: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/luman_media/
4. *Pravo na kommunikatsiyu: obzor materialov "Komissii Makbraida"* (Right for communication: review of “McBride Commission” materials). Moscow: AN SSSR-INION, 1980, 59 p.
5. Zh. d'Arzi. *Pravo na kommunikatsiyu* (Right for communication), Parizh, 1980, 286 p.
6. Terin, V. P. *Massovaya kommunikatsiya: issledovanie opyta Zapada* (Mass communication: research of the Western experience). Moscow: MGIMO, 2000, available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Terin/07.php
7. Tatarintseva, E. A. *Realizatsiya prava na kommunikatsiyu v informatsionnom obshchestve* (Implementation of the right for communication in information society). Moscow: RAGS, 2009.
8. Sheverdyayev, S. *Pravo na dostup k informatsii v Rossii: problemy teorii i zakonodatel'stva* (Right for information access in Russia: issues of theory and legislation), available at: http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/statii/pravo_na_dostup_k_inf_2.htm
9. Rezultaty monitoringa ofitsial'nykh saitov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti – 2013 g. (Results of monitoring of official sites of federal executive authorities – 2013), *Fond Svobody Informatsii*, available at: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/2527>
10. *Prezidentskie vybory v Rossii 2012 g.: postelektoral'nyi analiz. Otchet ob ustanovkakh i otsenkakh elektorata* (President elections in Russia 2012: post-electoral analysis. Report on the concepts and evaluations of the electorate). Moscow: Levada-Tsentr*, 2012, 21 p.
11. Nauchnyi analiz rossiiskikh protestov (Scientific analysis of the Russian protests), *Ob'yasnayaya politiku protesta v Rossii: innovatsii v teorii i analize dannykh*. Moscow: NIU VShE, 4.07.2013, available at: <http://opec.ru/1545836.html>
12. Opros rassstavil vse po poryadku (The poll made it clear), *Kommersant*, 2013, 27 July, available at: [Kommersant.ru/doc/2243079](http://kommersant.ru/doc/2243079)
13. “Levada-tsentr”*: 38% rossiyan ne odobryayut zakon o mitingakh (“Levada-tsentr”*: 38% of the Russians do not approve of the law on meetings).
14. *Zayavlenie chlenov Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka v otnoshenii zakonoproekta № 89417-6 “O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon “O zashchite detei ot informatsii, prichinyayushchei vred ikh zdorov'yu i razvitiyu”* (Statement of the members of the Russian President Council on the civil society development and human rights referring to the draft law # 89417-6 “On introducing the changes to the Federal Law “On protecting children against information doing harm to their health and development”), available at: http://www.president-sovet.ru/council_decision/council_statement/zayavlenie_chlenov_soveta_v_otnoshenii_zakonoproekta_89417_6.php
15. *Chernyi spisok Roskomnadzora vozglavili “V Kontakte” i pravitel'stvo* (“Vkontakte” and the government headed the black list of Roskomnadzor), available at: <http://izvestia.ru/news/553151>
16. *G8 Open Data Census*, available at: <http://census.okfn.org/g8/>
17. *G8 Open Data Charter and Technical Annex*. Published 18 June 2013, available at: <https://www.gov.uk/government/publications/open-data-charter/g8-open-data-charter-and-technical-annex>
18. *Soveshchanie po voprosam sovershenstvovaniya sudebnoi sistemy, 8 iyunya 2012 g.* (Session on the issues of court system improving, 8 June 2012), available at: <http://www.kremlin.ru/news/15607>

* Признан иноагентом в РФ с 05.09.2016 / Recognized as a foreign agent in the Russian Federation as of 05.09.2016.

Information about the authors

Gainullina Liliana Faibergovna, PhD (Philosophy), associate professor of the chair of philosophy, professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: lianagai@yandex.ru

Leontyeva Lyudmila Stanislavovna, PhD (Philosophy), associate professor of the chair of public management of the Institute for management and territorial development, Kazan (Volga region) Federal University

Address: 6/20 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 231-54-66

E-mail: Lsl3@yandex.ru

How to cite the article: Gainullina L.F., Leontyeva L.S. Right for communication: the due and the actual, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 217–225.

© Gainullina L. F., Leontyeva L. S., 2013

ПОЗНАНИЕ

Скоробогатов А.В. Русская Правда: учебное пособие для семинарских занятий по дисциплине «История отечественного государства и права» / А.В. Скоробогатов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики управления и права, 2013. – 112 с.

Учебное пособие обобщает и систематизирует материалы по истории создания и содержания важнейшего источника русского права – Русской Правды. В пособии представлены тексты Русской Правды с переводом на современный русский язык, комментарии и дополнительные материалы, предназначенные для изучения данного источника.

Предназначено для студентов, магистранов, аспирантов и преподавателей юридических факультетов, а также для читателей, интересующихся историей русского права и законодательства.